

Изъ міра старообрядцевъ.

Попечитель, онъ же и самовольный закрыватель, безпоповской модельни.—Несообразительный наставникъ изъ крестьянъ среди безпоповцевъ — горожанъ.— Интриги изъ-за наставничества.— Сухарническая секта въ Саратовѣ и продажа сухарей вмѣсто причастія.

Въ 1890 году, въ первыхъ числахъ мая, саратовская безпоповская волковская молеельня была закрыта и не правительствомъ, а самими же безпоповцами; стояла она закрытою до 1 числа сентября того же года. Поводомъ къ закрытію ея послужило слѣдующее обстоятельство: бывший (теперь уже покойный) наставникъ безпоповцевъ И. П. В—въ, по престарѣлости лѣтъ, исполнялъ уже должность наставничества съ великимъ трудомъ и службу отправлялъ съ большими пропусками. Прихожане не однократно предлагали ему оставить наставничество и передать другому, особенно старались тѣ, которымъ желательно было занять эту должность самимъ. Но старикъ не поддавался имъ и продолжалъ кое-какъ дѣйствовать самъ. Но вотъ представился удобный случай: В—въ, при богослуженіи кадя иконы, задѣлъ ногою за коверъ и упалъ; кадило вырвалось изъ рукъ и полетѣло въ сторону; угли рассыпались, — которые по ковру, которые по полу. Старикъ растерялся, всталъ и началъ топтать угли ногами. Попечитель и прихожане кинулись на старика, оттащили его и залили угли водою. Повидимому, дѣло должно бы тѣмъ и кончиться. Но не такъ случилось въ дѣйствительности. Богослуженіе прекратилось. Попечитель А. С. М—въ сказалъ В—ву: „Ну, о. Иванъ, пора уже покориться судьбѣ и оставить наставничество; старъ уже и не можешь дѣйствовать“. „Какъ это оставишь, — закричалъ старикъ, — за что? за то, что я упалъ? Нѣтъ, не будетъ этого: я по смерть свою буду наставникомъ“. Попечитель, не говоря ничего съ наставникомъ, сталъ высылать народъ изъ молеельни, и когда всѣ вышли, вышелъ и наставникъ, попечитель заперъ двери на замокъ и сказалъ наставнику: „вотъ теперь наставничай; я не отпущу молеель-

ну до тѣхъ поръ, когда соберемъ соборъ и обсудимъ, какъ съ тобою поступить“. Сказавъ это, онъ на пролеткѣ отправился домой.

На слѣдующій же день, въ домѣ попечителя, собрались старообрядцы и обсуждали, какъ поступить съ наставникомъ и съ молитвеннымъ домомъ. Одинъ претендентъ на наставничество принесъ съ собою рукописный Цвѣтникъ, и для усиленія обвиненія на наставника, прочиталъ по нему слѣдующее: „Аще ли невѣжды нѣдци и кадятъ не искусно, и машутъ не крестообразно, и роняютъ крохи углія и пещель на помость безъ страха Божія, и растопчутъ ногами, и сіе страшно претить писаніе, проклятъ бо всякъ человѣкъ, иже творить дѣло Божіе съ небреженіемъ, но со страхомъ и трепетомъ спасеніе содѣвайте“ (раск. рук. стр. 3) *) Прочитавъ это, старообрядецъ сказалъ: наставникъ нашъ, по своей небрежности, разсыпалъ угліе огненное изъ кадила и топталъ ногами, поэтому онъ проклятъ, а проклятому быть наставникомъ возбраняется въ Божіемъ писаніи. Тогда попечитель рѣшилъ не отиирать молитвенный домъ и не допускать наставника В—ва до служенія, дондеже придетъ разрѣшеніе отъ наставника села Самодуровки Хвалынскаго уѣзда. Съ рѣшеніемъ этимъ, конечно, согласилось и все собраніе. Такимъ образомъ молежня оказалась закрытою; закрытою и была до 1-го числа сентября.

Запросъ былъ посланъ въ Самодуровку тотчасъ-же; но самодуровскій наставникъ, Е. Д—нъ, не торопился отвѣтомъ: у него явились свои соображенія и свои расчеты. Отстраненіе В—ва его не только не возмутило, но даже обрадовало, и онъ увѣдомилъ саратовцевъ, что они сдѣлали хорошо, заперѣвъ молежню и отстранивъ наставника за такое тяжкое преступленіе, и обѣщаль имъ прислать наставника изъ Са-

*) Такую рукопись, цвѣтникъ, и приобрѣлъ въ собственность, когда еще былъ раскольникомъ, и теперь она имѣется у меня. Этотъ цвѣтникъ раскольниками переписывается и распространяется въ народѣ. Въ немъ объясняется о многихъ церковныхъ дѣйствіяхъ и все безосновательно. Авторъ.

модуровки. Онъ, Л—нъ, имѣлъ (и теперь имѣеть) въ Самодуровкѣ заклятаго врага, Г. В. С—ва, человѣка гордаго, самолюбиваго и высокоумнаго, преслѣдующаго своего наставника на каждомъ шагу, съ цѣлю добиться себѣ наставничества. Вотъ этого-то С—ва Л—нъ и послалъ саратовцамъ въ наставника съ цѣлю, чтобы избавиться отъ его преслѣдованій.

С—въ прибылъ въ Саратовъ 1 числа сентября и заѣхалъ не прямо къ попечителю, а къ отстраненному наставнику В—ву, за что попечитель сразу же остался не доволенъ на новаго наставника С—ва. С—въ, какъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, тотчасъ же распорядился и приказалъ попечителю собрать всѣхъ саратовскихъ безпоповцевъ купцовъ и купчихъ, въ какой либо частный домъ для общаго совѣта и объясненій. Попечитель крайне былъ не доволенъ, что наставникъ распоряжается самостоятельно, не посоветовавшись съ нимъ, попечителемъ, о собраніи и о мѣстѣ собранія. Но всетаки тотчасъ же распорядился и послалъ своего служащаго пригласить всѣхъ безпоповцевъ къ 7 часамъ вечера въ его собственный домъ. Собраніе состоялось. С—въ, надѣясь, что онъ теперь уже наставникъ и nebudeтъ отстраненъ, и зная, что В—въ отстраненъ отъ наставничества совершенно напрасно, началъ по деревенски-урезонивать саратовцевъ такъ: „Напрасно вы, братіе, оскорбили старика В—ва и отстранили его отъ должности, — онъ не виноватъ. Доживите-ка вы до его годовъ-то, вы хуже его будете. Я гляжу, вы хотя и городскіе, саратовскіе, народъ полированный, а творите совсѣмъ глупо, хуже насъ, деревенскихъ. Что за бѣда, что онъ разсыпалъ углие огненное изъ кадила, это не бѣда, мы деревенскіе и то не стали бы такъ поступать“!

Нужно сказать: С—въ, по наружности, человѣкъ очень представительный: средняго роста, полный, рыжеватый. борода предлиннѣйшая, — ниже пояса, — широкая; одежду носить — длинный халатъ, на подобіе священнической ряски, и

все это, дѣйствительно, придаетъ ему очень представительный видъ. Но какъ только начинаетъ онъ говорить, то сразу почувствуешь къ нему какое то отвращеніе, и что не далѣе онъ говорить, то интонація разговора его будетъ для слушателя все гнуснѣе и гнуснѣе, и слушатель дойдетъ до того, что не дождавшись окончанія его рѣчи, выйдетъ изъ собранія. Такъ и на этотъ разъ случилось: когда вошелъ С—въ на собраніе, произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ своею наружностью; когда же сказалъ вышеизложенную рѣчь, то отвратилъ всѣхъ отъ себя, и собравшіеся долго сидѣли молча, переглядываясь другъ съ другомъ. Кто то изъ членовъ собранія нарушилъ молчаніе, сказавъ: „не въ свои сани-то засѣлъ“! С—въ, хотя и слышалъ это восклицаніе, но не понялъ, о комъ это сказано, а потому и промолчалъ. Тогда попечитель, обращаясь къ С—ву, сказалъ: „Вотъ что, отче честный, о В—вѣ вопросъ рѣшень и говорить о немъ излишне; а вотъ что скажи: что намъ дѣлать съ молитвеннымъ домомъ-то и угольями: вѣдь онъ и доднесъ стоитъ закрытымъ и уголья съ помоста церковнаго не сметены“? „Какъ, что дѣлать! Отвѣчалъ С—въ, отпереть молитвенный домъ, уголья вымести и начинать служить. Больше ничего. Я все гляжу, какой вы народъ-то глупый, не знаете, что дѣлать,—вы хуже деревенскихъ,—право“! Попечитель и прихожане, покосившись на наставника и перекинувшись взглядами, сказали: „Нужно хоть бы молебень отслужить и освятить что-ли молитвенный домъ“? „Это дѣло не ваше, сказалъ С—въ, что я сказалъ, то и будетъ; я вашъ наставникъ, присланъ къ вамъ властію (т. е. самодуровскимъ наставникомъ—простымъ мужикомъ), и вы должны слушать меня во всемъ“.

Собранію хотя и не нравились выходки новаго наставника, съ явными для нихъ оскорбленіями, но на первыхъ порахъ они покорились судьбѣ, и Богослуженіе пошло своимъ чередомъ. Такимъ образомъ С—въ сразу нажилъ себѣ

враговъ въ лицѣ всего общества и наставничество его продолжалось не долго.

Одинъ мануфактурный торговецъ И. Я. К—въ, усердный искатель наставничества, пользуясь этимъ случаемъ, окольными путями позель свою интригу противъ С—ва, доказывая, что онъ, С—въ, никоимъ образомъ не можетъ быть наставникомъ: онъ много дѣлаетъ неправильнаго по службѣ, выглядитъ какъ-то деревенскимъ мужикомъ, обходится сурово, а главное имѣетъ за собою такіе грѣшки, которые отнимаютъ у него право на наставничество и проч. и проч. Такимъ образомъ онъ настроилъ общество такъ, что С—въ, не ожидая ничего, вдругъ увидѣлъ предъ собою депутацію отъ общества, предъявляющую ему увольненіе изъ наставничества. „Что такое, — въ изумленіи спросилъ С—въ, — чѣмъ я виновенъ?“ „Чѣмъ хотите обвиняйте себя, а отъ насъ убирайтесь!“ — сказалъ попечитель. Сколько и какъ не упрашивалъ С—въ, но всетаки въ 1-хъ числахъ декабря того же года былъ опять на своемъ прежнемъ мѣстѣ въ с. Самодуровкѣ. Стало быть С—въ наставничалъ у саратовскихъ безпоповцевъ всего около трехъ мѣсяцевъ.

Самодуровскому безпоповскому наставнику Л—ну весьма не хотѣлось принять С—ва обратно въ свою паству, — онъ писалъ саратовцамъ, чтобы они снизошли къ поступкамъ С—ва и удержали его у себя, обѣщая, что и онъ слѣдуетъ ему внушеніе, но ничто не помогло; саратовцы отвѣтили Л—ну: „такой наставникъ намъ не нуженъ“.

Смотря на все это старикъ В—въ, заштатный наставникъ, всетаки опять мечталъ быть наставникомъ для безпоповцевъ. не смотря на то, что уже былъ чисто скелеть. „Придете, придете, — утѣшалъ себя старикъ, — да еще поклонитесь мнѣ въ ноги и будете просить меня опять къ себѣ въ наставники-то. Старики-то вѣдь лучше для васъ самихъ и для вашихъ женъ-то надежнѣе... Вонъ самодуровскаго-то

Галашку (т. е. Галактіона) прогнали и этого шульмистра *) прогоните“. В—въ называлъ „шульмистромъ“ мануфактурнаго торговца И. Я. К—на, который въ скоромъ времени послѣ С—ва ноступилъ на мѣсто наставника. И дѣйствительно: слова В—ва исполнились:—К—нъ служилъ наставникомъ у безпоповцевъ не болѣе года, а потомъ его уволили, и старикъ В—въ снова занялъ было мѣсто наставника, но наставничать ему пришлось не долго. Въ 1892 году, онъ мылся въ торговый банѣ, обварился кипяткомъ и тутъ же въ банѣ умеръ. Теперь у саратовскихъ безпоповцевъ наставничаетъ опять самый безграмотный самодуровскій мужикъ.

Сухарническая секта играетъ важную роль въ Саратовѣ. Секта эта начало свое имѣетъ со времени обращенія старообрядческихъ Иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе и названіе сухарнической получила отъ того, что нѣкоторые монахи старообрядческіе, не согласившись принять единовѣріе, бѣжали изъ монастырей, забравъ съ собою множество просфоръ, и раздробивъ ихъ на мелкія частицы, засушили въ сухари и продавали ихъ за баснословную цѣну старообрядцамъ, выдавая за запасные дары. Отсюда и носить эта секта названіе сухарниковъ. Сначала секта эта существовала преимущественно въ предѣлахъ самарской губерніи и Саратовскіе старообрядцы обращались за сухарями туда. Въ настоящее же время наоборотъ изъ Самарской губерніи обращаются за сухарями въ Саратовъ, какъ показываетъ слѣдующій фактъ.

Въ концѣ іюня 1890 года пріѣхала въ Саратовъ изъ с. Липовки Самарской губерніи одна женщина и стала на квартиру у своего родственника, принадлежащаго къ единовѣрію. Этотъ единовѣрецъ разсказалъ мнѣ объ этой женщинѣ дрянно благочестія слѣдующее.

„Скажите пожалуйста, — вопрошала женщина, — гдѣ мнѣ

*) Винокуровъ почему-то называлъ выше поименованнаго мануфактурнаго торговца Шульмистеромъ, — что эта за причина я дознаться не могъ. *Авт.*

найти А. К. Г—ну “? *) На вопросъ: для чего ей нужна Г—на? женщина сказала: „Я вѣдь пріѣхала сюда по великому дѣлу, — за св. причащеніемъ, которое сохраняется у „Г—ной“.“ „Что же это у нея за причащеніе“? Спросили ее родственники — единовѣрцы. Женщина, повидимому, оказалась съ простинкой и рассказала слѣдующее: „Причастіе это что ни на есть древнѣйшее, изнесенное изъ иргизскихъ монастырей монахами древняго благочестія, изсушенное мелкими сухариками, — это причастіе и хранится теперь только у А. К—вны“. „Почему же это только у нея хранится, а не у другого кого“? спросили ее. „То-то вѣдь, родимые, богатство-то что значить, — говорила женщина, — съ деньгами все можно сдѣлать: когда зашелъ къ ней, къ А. К—внѣ, монахъ Прохоръ съ этимъ самымъ причащеніемъ — то, она у него все и откупила, а теперь вотъ и продаетъ христіанамъ древняго благочестія; я вотъ и пріѣхала купить немного. Вѣдь погибнуть никому не хочется. А у насъ тамъ купить не у кого. Одинъ старичекъ, дѣдушка Силантій, дѣлаетъ самъ причастіе-то, но продаетъ очень дорого; такъ за маленькій кусочекъ беретъ 4—5 рублей, а какое причастіе-то? — все равно какъ простой хлѣбъ, такъ и пахнетъ хлѣбомъ. А у А. К—вны такое вкусное, индо ладономъ пахнетъ, и притомъ на много дешевле и древнѣе, чѣмъ у дѣдушки Силантія. Онъ, дѣдушка-то Силантій, только одинъ разъ ѣздилъ сюда въ Саратовъ-то, и то давно уже, и причащаль насъ св. причащеніемъ купленнымъ у А. К—вны. Бралъ всего по три рубля съ человѣка. А теперь не ѣдетъ. Все равно, — говоритъ, — причащайтесь моимъ причащеніемъ, да и беретъ съ насъ въ тридорога. Вотъ мы, человѣка ста три, собрались, посоветовались и рѣшили съѣздить въ Саратовъ. Общество и послало меня. Скажите пожалуйста, родимые, гдѣ она живетъ — вѣдь я въ Саратовъ-то въ первый разъ пріѣхала“. Конечно ей указали гдѣ живетъ А. К—вна, и Самарская женщина

*) Въ прошломъ году А. К. Г—на померла. *А. Лебед.*

приобрѣла потребное количество заѣтныхъ сухарей и отпра-вилась во свояси. Такимъ образомъ саратовскіе сухарики у старообрядцевъ, ревнителей древняго благочестія, гремятъ очень громко.

Изъ описанныхъ происшествій видно, что наставники старообрядцевъ употребляютъ всё свои мѣры къ тому, чтобы властвовать надъ своими пасомыми и разными происками достигаютъ себѣ наставничества, а попечители ихъ принадлежатъ къ старообрядчеству ради того, чтобы повелѣвать своими наставниками и распоряжаться ими, какъ и моленными по своему произволу. Исторія же съ сухарями показываетъ, что есть въ старообрядствѣ лица, которыя изъ всего готовы извлекать неимовѣрную пользу: пользуясь легковѣріемъ и темнотою старообрядчества, они продаютъ простые сухари и производятъ ими такую торговлю, что никакая торговая фирма не можетъ конкурировать съ ними. И все это дѣлаютъ подъ благовиднымъ предлогомъ, для спасенія древле-православныхъ христіанъ, кощунствуя именемъ Тѣла и Крови Христовыхъ, забывая, что продажа св. причащенія съ клятвою запрещена.

Пора уже задуматься, обратіе старообрядцы, и выйти на истинный и твердый путь, который давно уже указываетъ вамъ и намъ святая Православная Христова Церковь!

Епархіальный миссіонеръ,

священникъ *П. Шалгинскій*.